

Опираясь на плечо брата, Мэн Чжэнь поднялся и, покачиваясь, поплелся к двери:

— Уже поздно, пора спать. Я пошел. Не провожай. Я сам дойду. Я справлюсь.

Но едва он переступил порог, как шлепнулся на пол.

Мэн Цэ тут же бросился к нему.

Мэн Чжэнь пребывал в легком недоумении, не понимая, как это он упал. Он потрогал пол:

— У нас что, в резиденции денег на ремонт нет? Дорога такая неровная, и никто не заботится...

— Не помогай мне! — Мэн Чжэнь снова оттолкнул брата, оперся о стену и поднялся. — Говорил же, справлюсь. Ты сам меня учил: я вырос, нельзя обниматься. И баловать меня больше не надо... А то вдруг я так и не научусь самостоятельности?

Он не только не позволял обнимать себя, но и не разрешал даже прикоснуться, упрямо пробирался к своей комнате, держась за стену.

Так они и шли: Мэн Чжэнь с трудом брел впереди, от холода его щеки порозовели, а Мэн Цэ тяжелыми шагами следовал за ним, сердце его сжималось от боли, но подойти он не мог.

Так, один впереди, другой позади, они наконец преодолели долгий путь и добрались до комнаты Мэн Чжэня.

— Ух, как устал... — Мэн Чжэнь кое-как стянул верхнюю одежду, скинул туфли и пополз на кровать. — Братец, я спать...

Завернувшись в одеяло с закрытыми глазами, он пробормотал:

— В новом году постарайся, братец... поскорее найди себе невесту. Тогда уж никто не станет смеяться, что у тебя в постели холодно... Ты такой хороший, найди себе ласковую жену, чтобы заботилась о тебе, чтобы вместе до седин дожить, ребятишек народить... А я как-нибудь... Могу и из резиденции съехать, могу отдельно жить...

Мэн Цэ не выдержал и бросился обнимать брата.

Мэн Чжэнь отпихнул его:

— А мы же договорились — больше не обниматься?

— В последний раз, — голос Мэн Цэ дрогнул. — В последний...

Мэн Чжэнь не стал спорить. Да и не мог — почти сразу провалился в сон.

Мэн Цэ, укрыв его одеялом, крепко-крепко обнял. Спустя какое-то время он наклонился, и его поцелуй, легкий, как перышко, коснулся лба Мэн Чжэня.

В комнате на кровати Мэн Чжэнь, покрасневший от хмеля, посапывал во сне. А за дверью, под окном, Мэн Цэ просидел всю ночь, прикладываясь к вину.

Даже в беспамятстве пьяного угара он твердо помнил эти слова и твердил их снова и снова:

— Нельзя тебя обнимать... Нельзя... Ты мой брат...

Неизвестно, кому он пытался это напомнить — себе или всем вокруг.

Сон был глубоким и безмятежным.

Утренняя канонада хлопучек не смогла разбудить Гу Тина. Он очнулся лишь к полудню, разбуженный голодом. Потянувшись, он почувствовал, как раскалывается голова. Лениво не желая вставать, он протянул руку, чтобы погладить леопардика.

Маленький зверь не любил спать в своей корзинке. С первого же раза, забравшись на хозяйскую кровать, он нагло оккупировал место у изголовья, а порой и вовсе наглез — распластывался на лице Гу Тина, обожая ласку и требуя внимания. Но на этот раз рука наткнулась не на привычный теплый пушистый комочек, а на чью-то твердую, крупную кисть. Пальцы были грубоваты, подушечки покрыты мозолями, ладонь — теплой. В общем, рука знакомая...

Гу Тин резко открыл глаза.

Хо Янь позволил ему держать свою руку и слегка приподнял бровь:

— Ты всегда так ластишься по утрам?

Гу Тин стремительно поднялся:

— Хо-хо-хо... Хо Янь!

Почему он здесь? Сидит у его кровати, да еще так тихо!

— Да, это я, — Хо Янь слегка наклонился, его взгляд потемнел, а низкий голос звучал с неприличной усмешкой. — Ну что, будешь братъ?

Братъ... что?

Увидев, как тот раскрывает объятия, Гу Тин едва не пнул его с кровати. Какого черта! Он звал леопардика! Рысенка!

Но потом он вспомнил: Хо Янь же не знает имени зверька...

Нахмурившись и стиснув зубы, он процедил:

— Я дал рысенку имя. Леопардик. Домашнее имя — Леопардик.

Хо Янь:

— Имя? Маленькому зверьку?

Гу Тин:

— Да, имя! Придумали вместе с Мэн Чжэнем!

Так что никакого скрытого смысла, никаких намеков и уж тем более — никаких просьб обнимашек! Выбрось эту дурь из головы!

Хо Янь прищурился:

— Ты говорил, что мы вместе растим этого зверька, но имя придумал с кем-то другим?

Гу Тин едва не выпалил «ты что, больной?», но сдержался:

— Ты — высокопоставленный князь — Страж Севера. А я — простой смертный, затерявшийся в толпе. Мы не можем жить в одном месте и не будем так часто видеться. Как мы можем растить рысенка вместе? Включи логику!

— Я найду тебя.

— Что?

Хо Янь повторил отчетливо:

— Где бы ты ни был, я найду тебя.

Гу Тин: ...

Он знал, что внешность у него довольно приметная, в толпе не затеряется. Но дело не в этом!

— Ладно, ты всемогущ. Князь — Страж Севера, мудрый и всевидящий. Но ты же понимаешь, — Гу Тин посмотрел прямо в глаза Хо Яню, — я не об этом.

Хо Янь сжал губы в тонкую ниточку, а пальцы сомкнулись в кулак:

— Ты не сдержал слово.

Гу Тин усмехнулся, поднимаясь с кровати и начиная одеваться:

— Мир взрослых жесток. Никто не может гарантировать, что никогда не солжет и всегда сдержит обещание. Измены, предательства, обман — такое случается каждую секунду по всему свету. Ты, влиятельный князь, защитник народа, повидавший многое, должен это понимать.

Он лениво зевнул, застегивая пуговицы. Голос его звучал самоиронично и устало, с легким оттенком презрения к окружающим, — выглядел он в этот момент законченным циником.

Но за окном стоял ясный день, и полуденное солнце лилось в комнату самым ярким светом. Золотистые лучи ласкали его профиль, обнимали сквозь ткань рубахи, окутывали сияющим ореолом. Он казался мягким и чистым, невинным и светлым. Даже слегка взъерошенные после сна волосы излучали какую-то особую нежность и очарование.

Он без спроса врезал себя в память другого — новый, четкий до мельчайших деталей образ, от волос до кончиков пальцев.

Хо Янь смотрел на его спину, и взгляд его становился все мрачнее.

Гу Тин обернулся и моргнул:

— А разве князь не обещал слушаться меня во всем? Но в итоге выбрал смерть.

Запоминалось не только это обаяние, но и жестокость его слов.

Солнце светило беззвучно, и каждый луч, падавший на пол, резал глаза.

Гу Тина не волновало, что творилось в душе Хо Яня. Ему было не до того — он наконец вспомнил важный вопрос:

— Почему ты здесь?

Хо Янь ответил хрипло:

— Ты забыл, что было прошлой ночью?

— Что могло...

Гу Тин вдруг застыл. Сознание прояснилось, и воспоминания хлынули лавиной.

Как он был вынужден принимать Хо Яня, как безуспешно пытался сменить тему, и всё скатилось к совместной выпивке. Как он снисходительно ухаживал за «пьяным» Хо Янем, а тот настойчиво доказывал, что не беден, и напихал ему в подол кучу драгоценностей. Как он, дурак, вместо фруктового вина хватил крепкого, опьянел с трех чашек, отчитывал Хо Яня в лицо, шарил у него по карманам в поисках своей подвески, облапывал... Кажется, он еще что-то говорил?

Что, мол, наел и напился сладкого, и теперь сам стал сладким, не хочет ли Хо Янь попробовать?

Черт! Что он творил! Совсем с катушек слетел?

Гу Тин покраснел до мочек ушей, и зубы его заскрежетали:

— Какой же ты подлый!

Хитрый пес! Притворялся пьяным!

Не только притворился, но еще и выманил у него эти слова! Какое прощение? Какой дурак будет прощать! Это не та ошибка, которую можно простить!

Гу Тин так разозлился, что, не застегнув как следует пояс, резко развернулся. Пояс зацепился за ножку стола, Гу Тин пошатнулся и едва не грохнулся на пол.

— Ругай, — Хо Янь мгновенно подхватил его. — Можешь быть и погрубее.

— Ты...

— Я сделал это нарочно.

Он признался! Открыто и без стыда! Да, он поступил низко, да, он использовал уловку — и он в этом сознается!

Гу Тин побагровел от ярости и грубо оттолкнул его:

— Бессовестный!

Хо Янь произнес размеренно:

— С возрастом у людей утолщается не только жизненный опыт, но и кожа. Чтобы достичь цели, можно пойти на многое.

Лицо Гу Тина потемнело.

Хо Янь добавил:

— Мир взрослых жесток. Никто не может гарантировать, что никогда не солжет и всегда сдержит слово.

У Гу Тина задрожали пальцы. Это были его же слова! Хо Янь использовал его же фразы против него!

<http://bllate.org/book/16279/1466457>